

Бой с невидимым врагом.

Что мы, сегодняшние школьники знаем о Чернобыле? Наверное, немного. Все только понаслышке, из телевизионных фильмов, книг и рассказов. Мы понимаем, что это плохо, это беда, горечь утраты. Очевидцы не любят вспоминать пережитое, а исторические публикации скупы и сухи.

В первые годы после катастрофы различные государственные и общественные структуры, фонды и центры социальной защиты оказывали помощь тем, кто принимал участие в ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС. В прошлом году было 30 лет со дня этой трагедии. Мой папа – полковник запаса Денисюк Владимир Григорьевич, со своим экипажем были одними из первых, кто участвовал в обезвреживании 4-го блока реактора. Он взял меня с собой на встречу, посвященную этой дате. Поначалу мне показалось странным место встречи – Митинское кладбище, но потом понял, что их, как и ветеранов ВОВ, остается с каждым годом все меньше и меньше. Я стоял в сторонке и наблюдал, как они ищут взглядом своих. Хорошо, если находили, а многие так и уходили с грустными лицами. Сегодня, к сожалению, об этих героях вспоминают только раз в год. И мне показалось это очень обидным. Ведь эти люди проявили мужество и героизм тогда, 30 лет назад, чтобы мы с вами жили сегодня.

Все дальше уходят в прошлое события тех лет, а писать о дорогих тебе людях всегда легко и в то же время трудно. Легко, потому что их хорошо знаешь, понимаешь, любишь. В то же время боишься не найти нужные слова, раскрывая то лучшее, что в них есть.

Папа был очень серьезный и грустный – ведь из всего экипажа он один дожил до наших дней, поэтому не любит рассказывать об этой трагедии, но, когда я в очередной раз спросил: «А что тебе особенно запомнилось?», он поведал такую историю: «Да разве забудется такое? Я вспоминаю, как в 4.30 утра прозвучал сигнал «Боевая тревога». Экипажи приказали укомплектовать полным химически-бактериологическим комплектом.

- Куда? Зачем?

- Неизвестно!

Посадка на аэродром «Чернигов». Заход - а там стоят вертолеты Александровского полка. Восемь месяцев прошло после Афганистана. Встретились.

Что случилось?

Авария на ЧАЭС. Будем работать. Из трех экипажей, прилетевших туда, только наш имел достаточно большой опыт работы с грузами на внешней подвеске. Поэтому мы и начали первыми «бомбить» вышедший из повиновения атомный реактор многотонными ёмкостями с песком и свинцовыми чушками. Легко сказать «бомбить». Приборы дозиметров показывали высокие уровни радиации даже на большой высоте. Температура над реактором была порядка 1800 градусов по Цельсию. К тому же опыта полетов в таких условиях ни у кого не имелось. Радиация - её же не чувствуешь, а вот жара! Нестерпимая, невыносимая! После первого захода над реактором 12-13 секунд, полетели в форточку противогазы, сняли химкомплекты. Жара, пить хочется, а на площадке стоит бочка с квасом и большая картонная коробка с сигаретами, но ты в воздухе. Город стоит опустевший, и врага не увидишь, не почувствуешь (нам после

Афганистана было это странно), но жуть страшная. Всему нужно было научиться, создать и апробировать, но времени не было. После первых пробных и очень нелёгких вылетов оптимальные решения были найдены: для крепления груза на тросе внешней подвески был сконструирован своеобразный замок. Над реактором в полную мощь заработал конвейер.

46 заходов совершил наш экипаж на полуразрушенный атомный реактор. Нагрузки, морально-психологические и физические, были, как говорится, на пределе. Какую дозу облучения мы получили, никто точно не знает. Нам писали 1 рад за заход. Вот почему через неделю нас практически в бессознательном состоянии вывозили в Москву в госпиталь, а на наше место прибыли другие...

Разве это не героизм! За время службы мой отец имеет 3 ордена и 12 медалей. Я горжусь им! Его героизм и мужество всегда будут для меня примером.